

ИМОДЖЕН
КЛАРК

ОТКРЫТКИ
ОТ НЕЗНАКОМЦА

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К47

Imogen Clark
POSTCARDS FROM A STRANGER

Copyright © 2017, 2018 by Imogen Clark
All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com,
in collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Аркадия Кабалкина*

Художественное оформление
Натальи Каптыкиной

В дизайне переплета использован элемент оформления:

© Mona Monash / Shutterstock.com;

В оформлении форзаца использована иллюстрация:

© AlexVector / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Кларк, Имоджен.

К47 Открытки от незнакомца / Имоджен Кларк ; [перевод с
английского А. Кабалкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-193231-2

На чердаке родительского дома Клара находит стопку старых
открыток. Они заставляют ее усомниться во всей своей жизни.
Кажется, история ее семьи пропитана ложью.

Отец Клары страдает болезнью Альцгеймера и не может про-
лить свет на тайны прошлого, а брат наотрез отказывается ей
помогать.

Разрываясь между преданностью своей семье и страхом уз-
нать правду, обнаруживая давно потерянных родственников,
Кара ищет ответы на вопросы, чтобы сложить все пазлы в одну
общую картину. Но это оказывается не так просто, ведь ложь
имеет обыкновение множиться...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-193231-2

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

1987

Почта со стуком падает на половик перед дверью.

Он улавливает этот звук — прислушивается уже не первый месяц, успел натренировать слух. Неплохо бы сходить взглянуть, что принесли, проверить и рассортировать конверты. Но яичница уже почти готова. Если снять сковородку прямо сейчас — останется немного вязким белок. А если не снимать, то затвердеет желток, и тогда прощай удовольствие, когда протыкаешь его вилкой.

Он напрягает слух, но детей не слышно. Должно быть, они наверху. С почтой можно повременить. Кто сказал, что открытку надо ждать именно сегодня? Не каждое же утро они приходят.

Он опять сосредоточивает внимание на яичнице, наблюдает, как поджариваются края. Кусок рыбы давно готов. В нужный момент он перекладывает яичницу на тарелку. Вот теперь можно сходить за почтой.

В коридоре уже стоит его трехлетняя дочь с зажатым между ножками тяжелым подгузником. В руке у нее открытка.

— Папа! — При виде него ее личико озаряется радостной улыбкой. — Посмотри, что принес почта-

льон! — Девочка показывает открытку: на ней шимпанзе, нянчащая своего детеныша. — Что тут написано? — спрашивает она, передавая открытку отцу.

Он берет ее и переворачивает, заранее зная, что там всего два предложения, всегда одни и те же. Он не позволяет себе их прочесть.

— Я уже тебе говорил, — твердо произносит он, оставляя вопрос без ответа. — Нельзя трогать почту, Кара. Это для папы.

Он подбирает остальные письма и прячет среди них открытку.

— Ступай, скажи брату, что завтрак готов.

Он провожает дочь взглядом, мысленно давая себе слово никогда больше такого не допускать.

Кара, 2017

— Я больше не могу справляться с этим одна! — кричу я в телефон, кричу не намеренно, просто так получается. — Мне нужна помощь, — говорю уже спокойнее.

Я накрываю трубку ладонью, чтобы меня не слышали на том конце.

— Папа! — Мой голос звучит умоляюще. — Можно потише?

Отец смотрит на меня с некоторым любопытством, но не думает униматься. Он колотит металлической ложкой по деревянному столу, ужасно действуя мне на нервы. Я вспоминаю совет специалистов и еще раз делаю глубокий вдох.

— Пожалуйста! — добавляю я, выдавливая лучшую улыбку, на которую сейчас способна. Потом снимаю ладонь с трубки и продолжаю разговор с братом.

— Ты слышишь это? — спрашиваю я его, хотя этот ужасный звук слышит, наверное, добрая половина страны. — Наш папаша колотит ложкой по столу. Уже полтора часа не унимается и не отдает мне ложку. Честное слово, Майкл, вряд ли меня надолго хватит.

Я чувствую, что сейчас разревусь, но не хочу, чтобы отец видел, что я на грани, поэтому плотно сжимаю губы и делаю глубокий вдох через нос.

— Посиди здесь, папа, — говорю я как можно спокойнее. — Я разговариваю с Майклом. Вернусь через минуту.

Я осматриваю кухню на предмет лежащих где не надо ножей или иных предметов, которыми папа мог бы пораниться, глажу его по засаленной голове и выхожу в коридор. Дверь я оставляю приоткрытой. Стук в кухне не прекращается.

— Понимаю, тебе трудно, Кара, — говорит мне Майкл из своего уютного кабинета в нескольких сотнях миль отсюда. — Я бы больше помогал, если бы мог, но ты же знаешь...

Он замолкает, но в его тоне нет даже подобия вины.

— Да, знаю, — бросаю я. — Потому и не прошу тебя о каждодневной помощи. Просто это слишком тяжело для меня одной. Я уже не справляюсь, Майкл. Его состояние ухудшается. Иногда я так на него злюсь, что начинаю бояться, как бы не...

Я успеваю прерваться и не говорю, до чего могу прийти. Угроза повисает в воздухе, Майкл на нее не реагирует.

— Нам нужна сиделка, — продолжаю я. — Человек, который умеет ухаживать за такими людьми, как наш отец. Необязательно с проживанием — это пока что лишнее, но мне необходим кто-то в дневное время, чтобы я могла поработать, сходить в магазин, да хотя бы отлучиться в туалет, не боясь, что он в мое отсутствие что-нибудь натворит. У отца есть средства,

из которых можно это оплачивать. Нечего ему сидеть на нашем наследстве как собака на сене. Я за то, чтобы найти ему сиделку. Кого-то, кто сможет как следует за ним ухаживать.

На том конце молчание, я уже подозреваю, что брат перестал меня слушать.

— Майкл? Майкл! Ты меня слышишь?

— Да. — У него отчужденный тон. — Ладно, — соглашается наконец он. — Раз ты не справляешься и единственный выход — нанять сиделку, то давай, действуй. Как собираешься ее искать?

— Через местное агентство, — отвечаю я. — О нем хорошие отзывы.

Я умалчиваю, что читала отзывы в «Твиттере» и что пишут их совершенно незнакомые мне люди. Но теперь, когда Майкл дал добро, попробую во всем этом разобраться.

— Я позвоню им и договорюсь о встрече, — говорю я.

Майклу мешают разговаривать какие-то голоса. Знаю, до этого он внимательно меня слушал.

— Мне надо идти, — сообщает он чужим, официальным голосом. — Приступай. И дай мне знать, как идут дела, когда разберешься с этим.

Он словно обсуждает слияние компаний с чванливой клиенткой, а не серьезно больного отца с родной сестрой. Я уже готова бросить трубку, но тут до меня доносится его шепот:

— Ты молодчина, Ка. У тебя все получится.

На этом разговор прерывается.

Я стою в коридоре и тяжело дышу, стараясь собраться с мыслями вопреки шуму из кухни. Отец

перестал стучать и перешел к пению. Я напрягаю слух и узнаю первую строфу церковного гимна «Когда святые маршируют», который мы пели в школе.

Отец поет достаточно чисто; можно подумать, что его сознание временно прояснилось, по крайней мере достаточно для того, чтобы попадать в ноты. Но проблема с памятью осталась.

— Кара! — вопит он. — Кара!

Я пытаюсь вспомнить гимн с самого начала, чтобы ему помочь, но тоже, как и он, не могу продвинуться дальше первой строчки. Говорят, болезнь Альцгеймера передается по наследству. Лучше не гадать, кто потом будет ухаживать за мной.

Отец снова возвращается к началу гимна:

— О, когда святые... маршируют...

А затем опять принимается колотить ложкой по столу, причем совершенно не в такт словам; так новобранцы шагают не в ногу с остальным взводом. Я смотрю на часы. Скоро приедут из Службы соцобеспечения, чтобы забрать отца в Центр помощи престарелым и инвалидам. Мне надо набраться терпения и дождаться их. Мне не в чем винить Майкла. Ему удалось сбежать. Теперь он живет в Лондоне и не может мчаться сюда по первому зову. Было бы хорошо, если бы он появлялся хотя бы время от времени, но Майкл решил проблему с отцом по-своему — скинул ее на меня. Вынуждена признать, что это разумно. Я единственная, кто еще пытается не дать всему развалиться. Но мне, как маленькой, по-прежнему требуется благословение старшего брата. Мне страшно быть лидером, принимать трудные

решения, хотя именно это мне теперь и предстоит. Я знаю, что Майкл давно перестал волноваться из-за того, что происходит с нашим отцом.

Раздается стук в дверь — уверенный стук частого гостя.

— Папа, за тобой приехал Брайан, он отвезет тебя в «Липы»! — кричу я, надеясь, что Брайан не расслышит в моем голосе облегчение. — Вдруг он знает вторую строчку из «Святых»? — У меня в голове все еще звучит навязчивая мелодия.

Я открываю дверь Брайану, коренастому коротышке с ручищами-лопатами и со скрипучим, как терка для сыра, голосом.

— Входи, — приглашаю я его. — Мы почти готовы. Ну что, папа...

Я распахиваю дверь кухни и вижу отца: он стоит у раковины и льет на пол молоко из пакета. Вокруг него разбросаны, как опавшие листья, чайные пакетики. Он улыбается мне, как маленький ребенок, гордый своим новым рисунком.

— Чай, — объясняет он.

— О, папа... — шепчу я, оценивая степень ущерба.

Нужно проверить, куда затекло молоко; только бы оно не просочилось в щели... Когда отец устроил такое в прошлый раз, мне понадобилась не одна неделя, чтобы избавиться от вони.

— Вот приедете в «Липы», и Брайан нальет тебе чаю, — говорю я и улыбаюсь со стиснутыми зубами. — Пошли, не будем заставлять его ждать.

Я беру папину руку и слегка сжимаю ее, но он не реагирует. Он идет за мной, шлепая по разлитому молоку, к двери, где его перехватывает Брайан.

— Поехали, Джо, — скрежещет Брайан. — Нам пора. Патриша уже в машине. Нынче утром она что-то расшалилась. Думаю, ей не хватает тебя.

Я корчу Брайану рожу. Что он такое говорит? Ушам своим не верю! Он мне подмигивает, мол, чего только не скажешь, чтобы скрасить день.

Микроавтобус отъезжает, а я вооружаюсь тряпкой, чтобы осушить молочное озеро.

* * *

К дому приближается незнакомка. Симпатичная улица, размышляет она; зажиточная, но не претенциозная. Она тщательно проверила адрес и заучила наизусть дорогу от автобусной остановки, чтобы ни у кого не спрашивать, куда идти. Ни к чему привлекать к себе внимание. Городок маленький, мало ли, кто с кем здесь знаком.

Она шагает по тротуару, разглядывая дома. Номер три, номер пять, номер семь... Сердце колотится в груди, она судорожно глотает воздух и боится упасть.

Совсем близко от цели она останавливается и начинает рыться в сумке, как будто что-то ищет. При этом поглядывает вокруг из-под поляй своей шляпы. С этого места ей хорошо виден трехэтажный викторианский дом с обнесенным штaketником палисадником размером с носовой платок. Как соотносить эту картину с ее мысленным образом дома, где они прожили столько лет? Она замечает, что окна дома немые, а под водосточными трубами скопились опавшие листья. Зато занавески весьма кокетливые. В ка-

ОТКРЫТКИ ОТ НЕЗНАКОМЦА

менной вазе у входной двери чернеют погубленные ранними заморозками цветы. Все-таки, думает она, по весне кто-то потрудились их высадить.

Теперь, очутившись здесь, она чувствует себя немного храбрее. Как ей поступить, если кто-нибудь выглянет из окна верхнего этажа? Улыбнуться, помахать рукой?

На улицу сворачивает микроавтобус, постепенно замедляя ход. Она роняет голову и ускоряет шаг. Микроавтобус тормозит у нее за спиной, она слышит, как открывается дверь и из машины выходит водитель. Он что-то говорит своим пассажирам, а потом подходит к двери дома и по-свойски в нее стучит.

Она переходит улицу и удаляется в ту сторону, откуда пришла.

Сиделка из агентства должна прийти в два часа дня, и я жду ее с нетерпением. Дом, где мы с отцом прожили последние лет тридцать, достаточно велик, содержать его в чистоте было непростой задачей само по себе, а уж когда тебе это совсем неинтересно — и подавно. Здесь высоченные потолки, из окон вечно дует, не счесть щелей и разных укромных уголков, куда набивается пыль и где прячутся пауки. Откровенно говоря, дом кажется заброшенным и нелюбимым. Большую часть комнат мы вообще не используем, но и в жилых я не хозяйка. По натуре я не аккуратистка, но все же пыталась следить за порядком, который так любит отец. Детьми мы с Майклом ходили у него по струнке. Думаю, отчасти это потому, что мамы не было рядом и он не хотел, чтобы его обвиняли в родительской халатности, но главная причина, по-моему, в том, что аккуратность попросту заложена в его ДНК. Но теперь, когда отец отдаляется от меня все дальше и дальше, за домом я слежу спустя рукава. Он больше не замечает пыли и беспорядка, меня то и другое тоже не волнует, так что все довольны.

Но при всем этом мне хочется произвести хорошее впечатление на сиделку, поэтому я кое-как прибира-

юсь, недолго орудую пылесосом, прохожусь там и сям тряпкой. Я даже покушаюсь на внутренности оконных рам, где сейчас, при дневном свете, особенно заметны грязные разводы. Из кухни несет прокисшим молоком, остается надеяться, что сиделки к такому привычны. Поправляя на кофейном столике стопку журналов для невест, я твержу себе, что у гостыи нет цели оценить меня как хозяйку. И все же преданность папе заставляет меня стараться, чтобы придать нашему старому логову приемлемый вид.

Стрелки каминных часов подкрадываются к двум, и в моем воображении оживает сцена из «Мэри Поппинс». В детстве я обожала этот фильм, мне так хотелось любви няни-волшебницы! Все возвращается на круги своя: снова я жду, что кто-то появится и все преобразит, как по мановению волшебной палочки.

Я решила сдвинуть дело с сиделкой с мертвой точки, пока отца не вернули из Центра помощи. Если она окажется никуда не годной, то пусть отец не знает, что я пыталась спихнуть его на чужого человека. Не могу избавиться от этого ощущения, хоть и знаю, что на самом деле это не так. Я достаю из тайника между страницами одного из моих журналов письмо из агентства. На бумаге миссис А. Партингтон выглядит безупречно: богатый профессиональный опыт и куча прекрасных свежих рекомендаций. Я гадаю, что за имя прячется за инициалом «А.»: Алисон? Абигейл? Я рада, что она замужем. Почему-то замужество ассоциируется у меня с опытом, хотя я знаю, что это смешно. У меня даже теплится надежда, что она старше меня, — понятия не имею почему.